

Я любила его.

Люблю

Полина Душина

Полина Душина
Я любила его. Люблю

«Автор»

2024

Душина П.

Я любила его. Люблю / П. Душина — «Автор», 2024

Я дала ему обещание жить дальше. И он ушёл. И я понятия не имею, как
сдержать своё обещание и, главное — зачем.

© Душина П., 2024

© Автор, 2024

Полина Душина Я любила его. Люблю

Я поцеловала его в холодный лоб и отошла.

В ушах какой-то гул и мне казалось всё происходящее каким-то кошмарным сном. Всё ведь как и во сне – множество людей, которых я не знаю, и он, тот самый, от которого бабочки в животе порхали и с которым хотелось долго и счастливо. И он, тот самый, который сейчас лежит передо мной в гробу. И я только что прислонилась губами к его холодному лбу.

Отойти, но не отвести взгляд, не получается. Я всё жду, что он откроет свои потрясающие голубые глаза и улыбнётся так, что мир вокруг станет ярче.

Но он продолжает лежать мёртвой восковой куклой среди этих бессмысленных цветов.

Попыталась представить его реакцию на всё происходящее, чтобы оживить его образ в моей голове. Но сбоку раздался надломленный рёв. Его отец рухнул на колени перед гробом и завыл.

Я никогда не видела, чтобы кто-то так плакал. Я никогда не слышала, чтобы кто-то так рыдал. А впрочем, это был и первый раз, когда я видела, как родители хоронят своих детей.

Мы с ними так и не познакомились. Не успели.

Подойти сейчас?

«Здравствуйте. Меня зовут Мария. И я любила вашего сына»?

«Люблю».

Дыхание перехватило. Да. Я всё ещё люблю его. И пока даже не могу себе представить момент, что когда-то это чувство пройдёт.

Под этой маской лежит человек, которого я люблю. И я молюсь о том, чтобы найти в себе силы и заплакать. Найти в себе силы и закричать.

А пока я просто прислоняюсь к стене и не могу отвести взгляда от того холодного лица, что когда-то было живым.

Вибрация мобильного телефона выдернула меня из ада сладких воспоминаний, в который унесла меня моя память. Взгляд сфокусировался. Снова на его каменном лице.

Я как-то всхлипнула. Вышло хрипло. Когда молчишь три дня подряд, любой звук, наверное, будет хриплым. Когда ты похоронила в себе все несказанные до этого слова, и следом сразу же хоронишь всё то, что вроде и хочется, но как-то не сказать сейчас.

Хочется заорать так громко, как только смогу, сорвать голос к чертям, хочется забиться в истерике и зареветь, так, чтобы не видеть даже сквозь слёзы ни этих неуместных цветов, чёртового гроба, ни этих убитых горем людей, ни его – мёртвым. Но глаза предательски остаются сухими, и я сама себе кажусь здесь неуместной – неизвестная, не плачущая и отстранённая.

Смотря на то, как они поддерживали друг друга, эти похлопывания по спине, эти объятия, эти слова утешения, я чувствовала себя действительно лишней. Пытаюсь зацепиться за это чувство, чтобы что-то вызвать в себе более яркое, чем там зияющая пустота, что разверзлась внутри и сушит горло.

И я очень хотела бы что-нибудь почувствовать, помимо этой пустыни, ведь прямо передо мной в гробу лежит человека, которого я любила. Люблю. А я стою возле стенки и уговариваю себя хотя бы немного заплакать.

Телефон завибрировал ещё раз, на сей раз вибрация не прекратилась, значит, кто-то решил со мной поговорить.

Может, и к лучшему.

Я выхожу из зала для прощаний. Стук моих каблучков неприлично громко раздавался в тишине рыданий и причитаний. Человек, спроектировавший это место, решивший создать такую акустику, положить такой кафель, по которому так размеренно сейчас стучат мои каблучки, хорошо знал своё дело, печаль в этих стенах умножается в разы, отражаясь от холодных белых стен и уходя под сводчатый потолок.

Вибрация телефона оборвалась ещё где-то на полпути к выходу, но я чувствовала, что уже не смогу остановиться, пока не выйду отсюда.

Прохлада помещения сменилась полуденной духотой. В городе лето и солнце. Передо мной широкая аллея, по бокам от которой ровный газон и аккуратные клумбы. Переход из холода в такие яркие цвета и само проявление жизни оказался слишком резким.

Надо же. И здесь я тоже ощущаю себя неуместной в этом чёрном платье, которое сразу же начало нагреваться на солнце и каблучках, которые не предназначены для прогулок по гравиию.

Попытаться сделать глубокий вдох и выдох. Попробовать ещё раз разреветься, ну или хотя бы повыть тихонечко.

Ничего.

Ну тогда хотя бы проверь телефон.

С работы.

Да, я обещала сегодня после обеда приехать в офис.

Да, я обещала ему, что я буду жить дальше.

А мы договаривались, что свои обещания держим.

Значит, нужно сделать шаг вперёд. И ещё. И ещё один. И уйти уже куда подальше из этого непонятного места, где я ощущаю себя так неправильно.

День закончился внезапно. Я просто в какой-то момент осознала, что стою перед дверьми квартиры, с ключами в руках, но не нахожу в себе сил вставить эти ключи в замок и зайти уже домой.

А утром я также стояла с другой стороны, и не могла найти в себе силы из неё выйти. Мне казалось, я рассыплюсь на осколки, как только ступлю за порог. Теперь я уверена, что развалюсь, как только сделаю шаг в квартиру.

Но ведь утром этого не случилось, да?

Может, и сейчас ничего не произойдёт?

Жаль, конечно. Сейчас мне кажется, это единственный вариант, который бы меня устроил – просто разбиться на миллионы осколков. Физически, чтобы у каждого из осколков моей души было и отдельное воплощение.

– Ты трубку не берёшь, – раздался позади меня запыхавшийся голос.

Я вздрогнула от неожиданности и выронила ключи. Звон и внезапно на глаза навернулись слёзы. Сесть на корточки (рухнуть) за ключами (от боли). И, наконец, заплакать. Поначалу просто набегут слёзы и будут легко скатываться по щекам, капая на это дурацкое чёрное платье и на пол, когда я потянусь за ключами. А потом уже навзрыд. Когда подруга поможет поднять ключи и откроет квартиру, помогая мне сделать этот несчастный шаг, отделяющий меня от внешнего мира, где я похоронила его, в мир внутренний, где он ещё был жив, но почему-то не был рядом.

Скинуть в сторону эти чёртовы каблучки, из-за которых я себе чуть не поломала ноги на той несчастной аллее, и пообещать себе выкинуть их при первой же возможности. И начать стягивать с себя это грёбаное чёрное платье, весь день душившее меня своим цветом и причастностью к сегодняшнему утру, где я оставила в гробу своё сердце и часть своей души.

И это всё под всхлипывания и подвывания. Подруга молча помогла мне справиться с платьем и повела в ванну. Пока она регулировала воду в раковине, я забралась в ванну и села под лейкой, включив душ.

Шум воды и я завывала в голос. А следом и закричала. Я чувствовала, как спала какая-то пелена и я увидела в себе весь этот океан боли, что бурлил во мне тёмной массой, утягивая куда-то на дно, с которого, было ощущение, что ещё постучатся.

Подруга села на бортик ванны рядом со мной, и положила руку мне на плечо. И это будто позволило мне нырнуть в этот бушующий океан окончательно – ощущение тёплой руки на моём плече, ощущение, что я не одна.

Я не помню, сколько мы так просидели. Просто я как-то вздохнула, и вода над моей головой выключилась. Подруга закутала меня в большое полотенце и помогла мне выбраться. Я улыбнулась – так в детстве меня кутала мама после ванной. Почувствовать, как меня обнимают и куда-то ведут. На кухню. Там передо мной оказался чай. Нос пощекотал аромат тёплых трав, и взгляд сфокусировался на бутерброде.

– Поешь, пожалуйста, хотя бы так.

Он бы пожурил за то, что кусочничаю на ночь глядя. И тут же бы сделал себе такой же бутерброд.

Я смотрела на кусок хлеба с колбасой и сыром перед собой, не находя в себе сил и даже малейшего желания к нему притронуться.

– Маша, пожалуйста, хотя бы кусочек... – подруга поставила поближе ко мне тарелку с бутербродом и пододвинула чашку.

Моё внимание переключилось на лёгкий закручивающийся дым от чая.

В голове возник костёр, дым от которого поднимался в чистое звёздное небо.

– Аккуратнее, – его смеющийся голос был так близко.

Обернуться на него и наблюдать, как он длинной палкой вытаскивает из костра запечённую картошку.

– Держи, – спустя пару минут и весёлое перебрасывание картошки из ладони в ладонь, пока она остывает, он протягивает её мне.

Самая вкусная картошка. Дело в костре? В звёздном небе над головами или в человеке рядом?

Чай начал остывать, дымка уже не закручивалась, ровная гладь напитка в кружке отражала лампу над головой.

Капля слезы нарушила покой в чашке и в моей голове.

Оказывается, можно долго плакать.

Очень долго.

Кажется, часы перевалили за полночь и чай уже был холодным, когда я смогла ещё раз немного успокоиться, и даже откусить этот бутерброд, сделав пару глотков холодного напитка.

Затем попробовать умыться, в итоге вновь умыться слезами и оказаться уже в постели.

Холодной.

Где рядом стояли наши фотографии с того похода и с вечера, на котором мы и познакомились. Фотографии, где мы были рядом, а он был живым.

И теперь мне нужно как-то уснуть в этой постели, рядом с которой стоит столько вещей, что буквально кричат о нём.

Подруга была рядом, она поглаживала меня по голове, пока я засыпала.

Он приходил ко мне. Во сне. Не помню, говорил ли он что-то. Но помню, что я просила его не оставлять меня и вернуться ко мне, или забрать меня с собой, но не оставлять меня одну!

Но я проснулась.

В этой всё ещё холодной постели с мокрой от моих слёз подушкой.

Подруга спала на диване неподалёку.

Часы показывали раннее утро, а моё состояние показывало мне, что дальше пытаться уснуть бессмысленно.

В целом внутри мне всё подсказывало, что делать что-либо дальше бессмысленно.

Но я же обещала ему.

Умыться. Вначале снова слезами, затем уже водой. Не смотреть на своё отражение. Наверное, старая примета, по которой нужно завешивать зеркала после ухода близкого, вовсе не про то, что покойник не увидит своего отражения, а про то, что живым тоже не хочется на себя смотреть.

Выйти на кухню.

Поймать надежду, что он там встретит меня, улыбающийся и готовящий яичницы нам на завтрак. Что я ему расскажу, что мне приснился кошмар, а он обнимет меня и поцелует в макушку, сказав, что это всего лишь сон и что он рядом и я от него так легко не избавлюсь.

Но на кухне пусто.

И чисто.

Пропали десяток кружек, скопившихся за эти дни возле раковины. Исчезла пыль и разбросанные салфетки.

Стало как-то тепло и почему-то грустно. Обо мне заботятся. И это не он.

Налить себе воды и сесть перед окном. Там крона дерева и гнездо, куда в ожидании потомства прилетели вороны. Мы любили наблюдать за ними по утрам в выходные дни. Что-то было такое особенное, наблюдать из нашего гнезда за их гнездованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.